

производит впечатление устного рассказа, только слегка окниженного в процессе записи: „... Изюймавше е (речь идет о половецких послых) Ярополци посадници на Локне, приведоша е к Ярополку, Ярополчи бо бяху посадници“ (стр. 209); „В то же веремя Изяслав посла Киеву к брату своему Володимиру, того бо бяшетъ оставил Изяслав в Киеве, и к митрополиту Климови и к Лазореви тысячкуму, и рече им...“ (стр. 245); „... нача Изяслав полкы рядити с братьею, и доспев иде к Подолью, а Ростислав стояше с Андреевичем подле столпье, загорожено бо бяше тогда столпием от Горы оли и до Днепра“ (стр. 353); „Посла же (Мстислав Изяславич) Чернигову к Ольговичем всим и к Всеволодичема, веля им быти всим у себе, бяху бо тогда Ольговичи в Мьстиславли воли, и всим угсдна бысть дума Мьстислава“ (стр. 368); „Василко же Ярополчичъ уведав е (половцев) из Михайлова, и еха на не ночи, бе же тогда ночь темна, и уступиша инем путем, изблудиша всю ночь...“ (стр. 376).

Разумеется, перед нами отражение действительности не буквальное. Рассказчик — не фотоаппарат. О том или ином событии он рассказывает так, как он его видел, как его воспринял и понял. Рассказчик — человек своей эпохи, своего общественного положения и своей политической ориентации; все это естественно не могло не сказаться на его рассказе: рассказ его всегда более или менее тенденциозен, всегда отражает идеологию того классового окружения, где он составлен и для которого составлен.

Всегда, как правило, неизмеримо подробнее излагая то или иное событие и во много раз превосходя „погодную запись по своему объему, рассказ, однако, часто напоминает погодную запись даже способом изложения: те же точные даты, подробные перечни имен, географических названий, та же суховатая деловитость тона, та же протокольная конкретность описаний. Некоторые рассказы, в особенности же рассказы об Изяславе Мстиславиче, производят впечатление делового отчета, военного донесения: до такой степени точно и обстоятельно излагают они положение вещей. Рассказ, например, под 1146 г. — о походе Изяслава Мстиславича „с силою киевскою“ на Путивль и о погроме города — в той своей части, где перечисляется захваченная Изяславом „жизнь“ Святослава Ольговича, — типичный деловой отчет, не пренебрегающий даже цифровыми подсчетами: „... и ту двор Святославъ раздели на 4 части, и скотьнице, бретьянице, и товар, иже бе не мочно двигнути, и в погребех было 500 берковьсков меду, а вина 80 корчаг; и церковь святаго Възнесения всю облупиша, съсуды серебряныя, и индитьбе (престольные одежды), и платы служебныя, а все шито золотом, и каделнице две, и кацыи (ручные кадильницы), и еуангелие ковано, и книги, и колоколы; и не оставиша ничтоже княжа, но все разделиша, и челяди 7 сот“ (стр. 237). Или рассказ под 1151 г. об обороне Киева; только очевидец, быть может лично принимавший участие в обороне города, озабоченный прежде всего тем, чтобы ничего не пропустить, все отметить, мог так